

Около бурсы.

Воспоминанія о духовной школѣ 60-хъ годовъ, въ связи съ очеркомъ быта тогдашняго сельскаго духовенства.

Вмѣсто предисловія.

Когда перевалить за полсотню лѣтъ, естественнымъ является желаніе и самому себѣ дать отчетъ о пережитомъ и подѣлиться съ другими воспоминаніями о прошломъ. Оно такъ не похоже на настоящее, при измѣнившихся кореннымъ образомъ обстоятельствахъ уже не повторится и можетъ исчезнуть безслѣдно, если правдивый лѣтописецъ не занесетъ его въ свою записную тетрадь.

Авторъ этихъ воспоминаній постарается быть правдивымъ лѣтописцемъ-бытописателемъ. Онъ опишетъ пережитое и видѣнное безъ прикрасъ, безъ сгущенія и безъ того густыхъ красокъ, безъ употребленія беллетристической формы. Последняя, будучи введена въ правдивую лѣтопись событій, придаетъ имъ характеръ вымышленности. Авторъ ручается, что здѣсь нѣтъ ничего вымышленнаго, развѣ только имена. Это является вполне понятнымъ, если принять во вниманіе, что нѣкоторыя описываемыя здѣсь событія отстоятъ отъ настоящаго времени лишь на 40 — 45 лѣтъ. Можетъ быть, не сошли еще съ жизненной сцены нѣкоторыя изъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ описываемыхъ здѣсь событіяхъ. Наконецъ, остались дѣти этихъ лицъ, ихъ родные и близкіе, чувства которыхъ не хотѣлось бы безъ нужды тревожить.

Сначала я не предполагалъ печатать своихъ воспоминаній: я хотѣлъ, чтобы они были доступны лишь тѣсному семейному кругу да тѣсному кругу близкихъ друзей. Но недавно у меня на квар-

тирѣ собрался небольшой кружокъ хорошихъ знакомыхъ — товарищей по профессіи и по школѣ. Были тутъ и юристы и педагоги. Зашла рѣчь о больномъ въ настоящее время вопросѣ: о положеніи средней школы. Разговоръ невольно перешелъ на то, какъ мы сами воспитывались и учились. Я вспомнилъ старину и рассказалъ нѣсколько выдающихся, наиболѣе выпуклыхъ случаевъ изъ своего дѣтства, описалъ обстановку своей школьной жизни. Мой школьный товарищъ не только подтвердилъ вѣрность рассказаннаго мною, но даже добавилъ его кое-чѣмъ, мною упущеннымъ, и слушатели, удивляясь, что „бурса“, описанная Помяловскимъ, была возможна и въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія, выразили пожеланіе, чтобы я не тайлъ своихъ воспоминаній о новой „бурсѣ“, которая существовала въ то время, когда Россія вступила уже на путь реформъ царствованія Александра II. Конечно, время взяло свое: многія явленія, описанныя Помяловскимъ, въ наше время были уже невозможны, но многое еще осталось. Оно въ наше время не было такъ выпукло и рѣзко, какъ во времена Помяловскаго, но все-таки оно стоитъ того, чтобы дать о немъ правдивый рассказъ...

I. Первые впечатлѣнія дѣтства.

Первые мои воспоминанія дѣтства относятся къ тому времени, когда только что окончилась крымская война. Смутно помню, что въ мое родное село возвращались тогда такъ называемые „ратники“, т. е. ополченцы, которыхъ во время войны пришлось отправить въ дѣйствующія въ Крыму (подъ „Вастополемъ“) и на Кавказѣ (на Капказѣ — какъ у насъ говорили тогда) войска. Я, конечно, не отдавалъ себѣ отчета въ тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя производили на наше деревенское общество рассказы о событіяхъ несчастной для насъ войны, но все-таки, какъ сквозь сонъ, припоминаю грустные рассказы, какъ гибли наши ратники, попадаая на минированныя непріятельскія мѣста, потому что, не понимая предупрежденій: „мины“, не хотѣли сворачивать мимо. Помню, какъ мать моя и домочадцы щипали „корпю“ изъ ветхаго бѣлья для отправленія въ госпитали („вошпитали“ — говорилось въ селѣ), гдѣ еще были тяжело больные и раненые. Помню, какъ мы, дѣти, любовались темнобронзовымъ крестомъ на Владимірской лентѣ, полученнымъ моимъ отцомъ, сельскимъ священникомъ, за минувшую войну.

Не больше сохранилось у меня воспоминаній и о Кавказской

войнѣ и о „волѣ“. Последняя, правда, осуществилась въ то время, когда мнѣ шелъ 9-й годъ. Но, благодаря тому, что тѣ два села, съ которыми я имѣлъ тогда соприкосновеніе, П—ое и Кр—во, были государственными и не знали „барщины“, воспоминанія о „волѣ“ у меня остались смутныя.

II. Мои родители.

Родился я въ 1852 году, въ с. П—скомъ, М—го уѣзда, Т—ой губ., въ семьѣ сельскаго священника. Изъ родныхъ своихъ, кромѣ отца, матери и старшаго брата, который, когда я сталъ себя помнить, уже учился въ семинаріи, помню хорошо дѣда, заштатнаго пономаря, да жившую съ нами мою крестную мать, крестьянскую дѣвушку—„вѣковуху“, которая вынянчила моего старшаго брата и сдѣлалась почти членомъ нашей семьи.

Отецъ мой получилъ семинарское образованіе, былъ, по тогдашнему времени, довольно развитымъ человекомъ, хорошо помнилъ латынь, на которой въ его время въ семинаріи говорили, писали сочиненія и преподавали почти всѣ предметы, кромѣ богословія и русскаго языка. Мать, дочь сельскаго пономаря, нигдѣ не училась и, кажется, не умѣла даже писать. Дѣдъ тоже едва могъ подписать свое имя и отчество. Престарѣлый и глухой, онъ копался около дома по хозяйству, а лѣтомъ сидѣлъ на пчельникѣ, который былъ у отца. Крестная мать, Авдотья Ивановна, была совершенно неграмотна. Она знала нѣсколько молитвъ, была очень богомольна. Стоя на козѣняхъ во время вечерней молитвы, она долго пересчитывала имена извѣстныхъ ей святыхъ и названія праздниковъ, прося ихъ простить ее, грѣшную. Я любилъ слушать ея наивныя молитвы: „Иванъ Предтецъ ¹⁾ престоль, прости ты меня, грѣшную“. „Звисясье (Вознесенъе) Божіей Матушки, прости ты меня, грѣшную“. Но еще болѣе я любилъ слушать ея чувствительные рассказы—сказки объ Аленушкѣ и ея братцѣ, превращенномъ въ козленка, котораго ожидала тяжелая участь:

„Точать ножи булатные,
Кипятъ котлы кипучіе...“

Она была просвирнею. Печеніе просфоръ сопровождалось у нея усердными молитвами, и я помню, бывало, помогалъ ей предъ праздникомъ Благовѣщенія, когда просфоры заготовлялись въ огромномъ

¹⁾ Уроженка Елатомскаго уѣзда, она букву „ч“ произносила какъ „ц“.

числѣ для раздачи прихожанамъ ¹⁾, печатать верхушки просфоръ деревянною печатью съ изображеніемъ креста и буквъ: іс-хс нї-ка.

Ш. Родное село и родительскій домъ.

Село П—ое, гдѣ я родился и провелъ свое дѣтство до десяти лѣтъ, отличается отъ другихъ сель средней полосы Россіи довольно живописнымъ мѣстоположеніемъ. Оно расположено на берегу довольно большой рѣки, въ промежуткахъ между нѣсколькими, довольно высокими, горами, спускающимися къ рѣкѣ. За рѣкой—заливные луга и громадный, казавшійся мнѣ тогда безконечнымъ, казенный лѣсъ. На одной изъ горъ стояла (стоитъ и теперь) небольшая деревянная одноглавая съ колокольнею церковь, построенная въ 1842 году. Близъ нея, на горѣ—нашъ небольшой плодовый садъ, а за нимъ, чрезъ дорогу, и нашъ домъ. Это была постройка изъ вѣковыхъ сосновыхъ, распиленныхъ на-двое, бревенъ, крытая камышомъ. Она состояла изъ двухъ частей, раздѣленныхъ холодными стѣнами: чистой половины, такъ называемой „горницы“, и жилой половины, такъ называемой „избы“. „Горница“, состоявшая всего изъ двухъ комнатъ и холодной пристройки, была предназначена главнымъ образомъ для приѣма гостей и праздничнаго препровожденія времени и зимою даже не всегда топилась. Въ ней, помню, стоялъ столъ, покрытый бѣлою вязанною (издѣліе матери) салфеткою, старинный диванъ и нѣсколько стульевъ съ сидѣньемъ изъ мягкаго камыша. Въ переднемъ углу стоялъ маленькій столикъ-угольникъ, на которомъ обыкновенно лежала епитрахиль съ крестомъ и евангеліемъ, требникъ и служебникъ. Надъ столикомъ — кіоты съ образами, предъ которыми почти постоянно теплилась лампада, наполнявшая комнату запахомъ деревяннаго масла. Здѣсь же былъ небольшой, за стекломъ, ящикъ, гдѣ хранилась дарохранительница для запасныхъ Св. Даровъ. На стѣнахъ висѣло нѣсколько портретовъ государей и архіереевъ, какая-то старинная гравюра-ландшафтъ да старинные въ высококомъ, отъ пола почти до потолка, деревянномъ футлярѣ стѣнные часы съ боемъ. Помню, что бой этихъ часовъ въ дѣтствѣ всегда занималъ меня. Тяжелыя свинцовыя гири часовъ висѣли на веревочкахъ. Пока веревочки новы,

¹⁾ Послѣ Благовѣщенія (25 марта) крестьяне уже начинали полевые работы, и просфоры брали съ собою, какъ благословенный хлѣбъ, способствующій урожаю хлѣбовъ.

гири хорошо держались, но когда выступы веревочекъ скоро сглаживались, какъ ни старался отецъ мой натирать веревочки мѣломъ, чтобы онѣ не скользили по шестернѣ часовъ, такъ называемая „боевая гиря“ (т. е. тянувшая пружину, производящую бой) почти всегда въ концѣ боя колокольчика ухитрялась сорваться и съ шумомъ падала на полъ футляра, заканчивая этимъ бой часовъ.

На окнахъ висѣли миткалевые занавѣски да стояло нѣсколько горшковъ съ цвѣтами—фуксіей и геранью,—вотъ и все украшеніе горницы. Впрочемъ, я забылъ упомянуть объ одномъ украшеніи горницы, которое меня очень занимало. На потолокъ большой комнаты, въ самомъ ея центрѣ, была нарисована масляными красками звѣздоподобная фигура съ указаніями странъ свѣта (с., ю, в., з.). Предмѣстникъ моего отца, большой любитель физики и астрономіи, устроилъ на домѣ флюгеръ, который вращалъ пристроенную на потолокъ стрѣлку, показывавшую направленіе вѣтра. Въ мое время этой стрѣлки уже не было и нарисованная на потолокъ фигура только напоминала о бывшемъ здѣсь приспособленіи для метеорологическихъ наблюденій.

„Изба“ состояла изъ двухъ половинъ: собственно кухни, гдѣ происходила стряпня, и чистой половины, гдѣ мы обѣдали, зимою спали и вообще проводили большую часть времени. Убранство этой половины тоже ничѣмъ не выдѣлялось. Большой липовый бѣлый столъ, покрытый или самотканною скатертью или клеенкою домашняго издѣлія, на которой деревенскій живописецъ нарисовалъ масляными красками арбузы, огурцы и фрукты, нѣсколько широкихъ лавокъ вдоль стѣнъ, нѣсколько табуретокъ и скамеекъ, кровати за цвѣтнымъ пологомъ, нѣсколько иконъ въ переднемъ углу и лубочныхъ картинъ по стѣнамъ—вотъ все украшеніе избы. Громадная „русская“ печь (въ горницѣ была „голландка“ изъ простого кирпича) имѣла вверху большое помѣщеніе для спанья. Здѣсь зимою нерѣдко сушилась рожь и гречиха, предназначавшіяся къ отправкѣ на мельницу или круподерку. Помню, какъ мы, дѣти, послѣ бѣганья по морозу и катанья на салазкахъ, забирались на эту печь и старались согрѣться на ней, зарываясь въ горячую рожь или гречиху. Близъ печи, нѣсколько выше ея, были расположены палаты—широкій помостъ изъ досокъ, настланныхъ приблизительно на аршинъ ниже потолка. Въ холодное время это было любимое мѣсто для спанья дѣтей. А пока уснешь — прекрасный наблюдательный пунктъ, такъ какъ оттуда, свѣсивъ голову, можно было видѣть все, что дѣлается въ избѣ, и слышать все, что тамъ говорилось. Въ избѣ зимою наша семья проводила почти все свое время. Здѣсь мать и крестная занимались рукодѣліями. Дѣдъ ковырялъ лапти, которые онъ почти повседневно

употреблялъ, кромѣ праздниковъ и прїѣзда гостей, когда надѣвались сапоги. Мать и крестная пряли ленъ и шерсть и ткали „красна“ на устроенномъ въ избѣ домашнемъ станкѣ („станъ“). Отецъ занимался со мною науками, подготавливая меня къ духовной школѣ, и принималъ здѣсь прихожанъ и причетниковъ. Здѣсь же по зимамъ отецъ крестилъ приносимыхъ изъ села младенцевъ, такъ какъ церковь была холодная, безъ печей. Здѣсь же, въ крѣпкіе морозы, доилась корова и помѣщались на первое время новорожденные телята и ягнята, а въ углубленіи подъ печкой во время морозовъ сберегались и лечились пѣтухи и индюки съ отмороженными гребнями.

Въ избѣ было душно и сумрачно. Горѣла большею частью березовая лучина, вставляемая въ такъ называемый „свѣтець“—высокую подставку, наверху которой была устроена желѣзная вилка о трехъ концахъ, куда вкладывалась лучина, предварительно хорошо высушенная въ печи. Около свѣтца надо было сидѣть, чтобы поправлять лучину и бросать обгорѣшіе ея концы въ лоханку съ водою, которая помѣщалась подъ свѣтцомъ и въ которую падали уголья, образовавшіеся отъ горѣнія лучины. Лучина давала много чаду и слабо освѣщала избу. По праздникамъ да при гостяхъ на столѣ появлялась сальная свѣчка, а въ торжественныхъ случаяхъ зажигались и стеариновые свѣчи, называвшіеся тогда „каллетовскими“. О керосинѣ у насъ не имѣли и понятія. Сальные свѣчи издавали смрадный запахъ, оплывали и съ ними тоже было немало возни, такъ какъ постоянно надо было слѣдить за свѣтильнею, снимать ее или особаго рода щипцами, или просто обмоченными слюною пальцами.

Уже по описанному выше можно судить, что обстановка жизни въ домѣ моихъ родителей была самая простая. Отъ крестьянской обстановки она отличалась главнымъ образомъ тѣмъ, что изба наша была „съ трубою“, а не курная, гдѣ дымъ прежде, чѣмъ выйти въ дверь и слуховыя отверстія вверху стѣны, долженъ былъ долго пробыть въ самой избѣ.

IV. Образъ жизни сельскаго духовенства. „Помочь“.

Образъ жизни сельскаго духовенства того времени также мало отличался отъ крестьянскаго. Мой отецъ, напримѣръ, самъ пахалъ землю въ полѣ и огородѣ, косилъ и убиралъ хлѣбъ и сѣно, участвовалъ въ молотбѣ и возилъ въ сосѣдній городъ на продажу

сельско-хозяйственные продукты. Мать, по болѣзненному состоянію, не принимала участія въ полевыхъ работахъ, но огородъ, садъ, домашній скотъ и птица были на ея попеченіи. Кухарки у насъ не было: кушанье готовили мать и крестная. Для работъ по сельскому хозяйству нанимался „работникъ“, обыкновенно молодой крестьянскій паренъ изъ мѣстныхъ прихожанъ, которому платилось 20 — 30 рублей въ годъ.

Въ пользованіи причта нашей церкви было около 90 десятинъ полевой и сѣнокосной земли. На долю отца приходилась половина этого пространства. Хотя часть земли была подъ оврагами, но все-таки своими силами трудно было убрать хлѣбъ и сѣно. Тутъ отца выручала такъ называемая „помочь“ (искаженное— „помощь“), заключающаяся въ томъ, что въ воскресный или небольшой праздничный день, послѣ богослуженія и обѣда, цѣлая толпа крестьянскихъ парней, дѣвицъ и молодыхъ, по предварительному приглашенію отца, сдѣланному въ церкви, послѣ службы, являлись на работу за угощенье, въ видѣ плотнаго ужина, водки и браги (домашняго пива). Я долженъ сказать, что отца моего за его простоту и благожелательное отношеніе къ прихожанамъ, за совѣты, услуги и даже матеріальную помощь, которую онъ оказывалъ нуждающимся, прихожане очень любили и не отказывались выручить въ трудныхъ случаяхъ. А къ такимъ случаямъ и относилась нужда въ помощи, когда надо было наскоро убрать хлѣбъ и сѣно. Поэтому, помочь о. Якову устраивалась очень охотно. Весело работала молодежь, а еще веселѣе становилась она вечеромъ, послѣ ужина и угощенья. Невдалекѣ отъ дома, на пригоркѣ и лужайкѣ, гдѣ устраивалось угощенье, затѣвалось пѣніе. Плясокъ и хороводовъ, конечно, не было: близко отъ церкви, да и пеловко на глазахъ „батюшки о. Якова“, но пѣсни лились чуть не до полночи. Батюшка, чтобы не стѣснять молодежи своимъ присутствіемъ, уходилъ, а мы долго любовались веселостью собравшейся молодежи, удивляясь, когда она успѣетъ выспаться, если съ зарей ей предстоитъ подниматься на свою собственную работу.

V. Доходы сельскаго духовенства. Христославленье.

Вышеописанная обстановка жизни сельскаго духовенства становится понятною, если будутъ извѣстны тѣ доходы, которыми оно въ то время пользовалось, особенно въ бѣдныхъ приходяхъ, вродѣ отцовскаго. Въ с. П—скомъ считалось въ то время 150 дворовъ съ 500 ревизскихъ душъ. Зажиточныхъ крестьянъ было мало.

Помню, во всемъ селѣ тогда былъ одинъ только каменный, да и то очень небольшой домъ; во всемъ селѣ едва-ли было болѣе 2—3 самоваровъ. Денежный доходъ причта не превышалъ 300 руб. въ годъ, изъ которыхъ на долю отца приходилось не болѣе 150 руб. Исправленіе требъ оплачивалось незначительными суммами: крещеніе младенцевъ 20—25 коп., похороны отъ 50 коп. до 1 руб., включая въ эту сумму и вознагражденіе за сопровожденіе покойника изъ дома въ церковь и изъ церкви на кладбище, расположенное далеко въ полѣ, за селомъ. Пасхальные молебны въ домѣ прихожанъ оплачивались 20 коп.; рождественскіе и крещенскіе—вмѣстѣ 25 коп. Случалось, что бѣдные крестьяне не платили и этого ничтожнаго вознагражденія, прося „записать до Хрещенья“ или до Пасхи, и причтъ ни съ чѣмъ уходилъ изъ курной избы, гдѣ во время молебна ему чуть не выѣлъ глаза наполнявшій избу дымъ. У болѣе зажиточныхъ крестьянъ, кромѣ уплаты 15—20 коп. за молебенъ, „батюшку“ и причтъ просили иногда „присѣсть“, т. е. угощали закуской, состоящей изъ жареной баранины, свинины, гуся или утки, да браги и сивухи. Конечно, изрѣдка послѣ продолжительнаго и утомительнаго хожденія по селу въ теченіе цѣлаго дня, такое угощеніе приходилось кстати. Но на Пасхѣ, когда такія угощенія учащались, они были очень обременительны. Отказаться „присѣсть“—значило обидѣть радушнаго хозяина, и приходилось присаживаться и довольно часто. И вотъ весь причтъ церковный, а также и „богоносцы“, носившіе съ причтомъ образа по селу ¹⁾, къ вечеру возвращались домой порядочно нагружившимися... И это было очень грустное явленіе, подрывавшее благоговѣйное, праздничное настроеніе. При этомъ бывали и пьяныя ссоры, такъ не гармонировавшія съ любвеобильнымъ призывомъ церкви: „другъ друга обьемъ“ „простимся воскресеніемъ“... Дѣтское чувство подсказывало мнѣ, что этого не должно было быть, и краска стыда покрывала мои щеки при созерцаніи такихъ, къ сожалѣнію, нерѣдкихъ явленій. Больно и теперь вспоминать объ этомъ...

VI. Отношеніе къ духовенству прихожанъ, интеллигенціи и начальства.

Оправданіемъ всего этого можетъ служить развѣ низкій уровень развитія сельскаго духовенства того времени. Полное отсутствіе

¹⁾ Это были или любители или давшіе обѣтъ (напр. во время болѣзни) носить иконы при хожденіи причта по селу съ молебнами.

всякихъ высшихъ запросовъ, кромѣ механическаго, подчасъ, исправленія требъ, вѣчная забота о кускѣ насущнаго хлѣба, о воспитаніи дѣтей, захолустная жизнь, — все это располагало къ возможности вышеописанныхъ грустныхъ явленій. Что такое, въ самомъ дѣлѣ, представляло сельское духовенство? Прихожане-простецы, правда, уважали „добрыхъ“ пастырей, хотя бы они и не высоко стояли по умственному развитію. Но не такъ относилась къ духовенству, особенно сельскому, мѣстная интеллигенція, высшее духовенство и разнаго рода начальство. Дворяне-помѣщики, теперь такъ стремящіеся (на словахъ, по крайней мѣрѣ) къ поддержанію основъ государственной жизни, между которыми красуется и „православіе“, — чего только они не дѣлали для того, чтобы убить уваженіе къ этому православію своимъ отношеніемъ къ сельскому духовенству? Какому унижительному обращенію подвергались тогда не только низшіе члены клира, но и сами „батюшки“? Но объ этомъ писалось такъ много, что не стоитъ распространяться ¹⁾. Я коснусь только отношеній къ сельскому духовенству его духовнаго начальства. Начну съ самаго посвященія въ священный санъ. Боже мой, какія мытарства нужно было пройти, чтобы получить мѣсто священника или діакона въ селѣ! Начиная съ обращенія къ консисторскому сторожу и кончая всесильнымъ секретаремъ консисторіи — вездѣ униженіе, вездѣ нужны были взятки. Про консисторію, вѣдь, не даромъ сложилась поговорка на семинарско-латинскомъ языкѣ: *consistorium est oblutatio et obdiratio pororum, diaconorum, diatcorum, ponotagogumque* (консисторія есть облупація и обдирація поповъ, діаконровъ, дьячковъ и пономарей). Наконецъ, мѣсто священника или діакона дано. Предстоитъ посвященіе въ санъ. Начинаются мытарства „ставленника“, т. е. лица, готовящагося къ посвященію. Надо дать псаломщику, иподіаконамъ, діаконамъ и самому протодіакону, а то при посвященіи будетъ устроена какая-нибудь неловкость, за которую владыка не похвалитъ. Ставленнику нужно подсказать, гдѣ стать, какъ и гдѣ поклониться, что и гдѣ поцѣло-

¹⁾ Расскажу очень характерный случай. Въ помѣщичьемъ селѣ ожидался пріѣздъ архіерея, объѣзжавшаго епархію. Встрѣча владыки духовенствомъ ближайшихъ селъ назначена въ помѣщичьемъ селѣ, и потому масса духовенства, пріѣхавшаго съ своими облаченіями, собралась въ домъ помѣщика. Помѣщикъ приказалъ своимъ челядинцамъ перепутать облаченія, чтобы полюбоваться тѣмъ смятеніемъ, которое должно было овладѣть духовенствомъ, когда при пріѣздѣ владыки оно должно было впопыхахъ разбирать подходящее каждому облаченію.

вать, а вся эта наука не даромъ давалась ему. Про одного прото-діакона, Саввушку, отличавшагося громаднымъ ростомъ и громадною силою, у насъ ходили преданія, что при возгласѣ „повели“! онъ, неугодившимъ ему ставленникамъ, заставляя ихъ нагибаться для поклоновъ при посвященіи, давалъ такіе тумаки въ шею, что ставленники долго потомъ помнили свое посвященіе въ санъ. И это въ храмѣ Божіемъ, при торжественной обстановкѣ архіерейскаго богослуженія, при томъ благоговѣйномъ настроеніи, которое должно окрылять молодого человѣка, отдающаго себя на служеніе Богу... А отношеніе самихъ владыкъ къ сельскому духовенству? Естественно было бы ожидать, что младшіе представители священства найдутъ въ лицѣ старшихъ чиновъ—покровителей и наставниковъ, къ которымъ открытъ доступъ, къ которымъ въ минуты затрудненій можно идти за духовною помощью и совѣтомъ. А между тѣмъ, припоминаю тотъ страхъ и трепетъ, которыми, бывало объято сельское духовенство, когда ему приходилось предстать предъ грозныя очи владыки. Вѣроятно, многіе изъ нихъ читали при этомъ псаломъ: „помяни, Господи, Давида и всю кротость его“—псаломъ, которому встарину приписывалось укрощающее гнѣвъ начальства дѣйствіе. Я слышалъ, что владыки, при явкѣ къ нимъ сельскаго духовенства, допускали колѣнопреклоненіе его предъ ними. А „разнести“ священника въ церкви, при прихожанахъ и постороннихъ людяхъ, за малѣйшую неисправность, обнаруженную въ церкви, въ книгахъ, при объѣздахъ епископомъ церковей — это было обыденнымъ явленіемъ. И тутъ надо было дать лицамъ, сопровождавшимъ епископа, чтобы они не очень уже рылись въ церкви и книгахъ и были снисходительны къ упущеніямъ, не доводили о нихъ до свѣдѣнія епископа. Вообще, объѣздъ архіереемъ сельскихъ церковей — это было нѣчто ужасное для сельскаго духовенства. Священники и діаконы (не говоря уже о низшихъ причетникахъ) часто сбивались въ произнесеніи возгласовъ и эктеній при встрѣчѣ архіерея, путали многолѣтія Царствующему Дому. Въ то время при богослуженіи требовалось перечисленіе всѣхъ членовъ Царствующаго Дома. Вдругъ, забудешь кого-нибудь или упомянешь его не въ надлежащемъ, по порядку, мѣстѣ. Помню, долго послѣ отъѣзда архіерея шли толки по селамъ о посѣщеніи архіереемъ храмовъ, подсчитывалось, во что обошелся приѣмъ архіерейской свиты, которая собирала не только деньгами, но и натурою—холстами, индѣйками и т. п. домашними продуктами. Благодаря поборамъ, которые позволяла себѣ архіерейская свита, у насъ про одного изъ архіереевъ (изъ малороссовъ) сложена была даже пѣсня-пародія на извѣстную патріотическую пѣсню объ Императорѣ Александрѣ I: „Ѣздилъ бѣлый русскій царь“.

Не малое безпокойство и переполохъ причиняли, бывало, и посѣщенія мелкихъ начальниковъ, вродѣ благочинныхъ и даже столоначальниковъ существовавшихъ тогда духовныхъ правленій (отдѣленія консисторіи въ уѣздныхъ городахъ). Они тоже ревизовали метрическія исповѣдныя и обыскныя книги, ревизовали, кажется, затѣмъ, чтобы поживиться насчетъ духовенства. Помню, къ намъ появлялся нерѣдко правленскій столоначальникъ Василій Васильевичъ, жилъ нѣсколько дней, пилъ и угощался до опьяненія и уѣзжалъ, снабженный разными припасами — подарками для его супруги Евгеніи, которую духовенство наше называло въ насмѣшку „Явленіемъ“, можетъ быть, характеризуя такъ неожиданныя появленія ея мужа на ревизію.

VII. Церковное учительство. Отправление богослуженія.

Приниженное, обездоленное, мало развитое сельское духовенство имѣло слабое вліяніе на паству. Требованіе Св. Писанія: „подобаетъ пресвитеру быти учительну“ выполнялось очень мало. Сельскій пресвитеръ „поучалъ“ рѣдко, да и то больше по печатнымъ образцамъ. Я помню, сколько труда прилагалъ сельскій священникъ, чтобы составить проповѣдь, которую ему, послѣ цензуры соборнаго протоіерея, приходилось по очереди произносить въ городѣ. Покойный Побѣдоносцевъ („Московскій Сборникъ“) считалъ проповѣдничество въ нашей церкви и не особенно нужнымъ, такъ какъ само наше богослуженіе поучительно и весьма назидательно. Это послѣднее соображеніе довольно справедливо. Наши духовныя пѣснопѣнія полны высокой поэзіи и величественной простоты и способны вызвать умиленіе и быть назидательными. Но понимать наше церковное пѣніе и чтеніе не подѣ силу не только неграмотному простолюдину, но даже и такъ называемому образованному классу православнаго населенія. Наши богослужебныя книги переведены съ греческаго языка самымъ невозможнымъ образомъ. „Иядвія моя наполнишася поруганій“... „еродіево жилище предводительствуетъ ими“... „сушу глубородительную землю солнце нашествова иногда“. „Странствія Владычня, безсмертныя трапезы“... Готовъ держать пари, что и теперь многіе изъ духовенства не въ состояніи правильно перевести эти и имъ подобныя выраженія, очень часто встрѣчающіяся въ богослужебныхъ книгахъ. Еще недавно одинъ молодой батюшка затруднялся объяснить мнѣ выраженіе Евангелія, „во едину отъ субботъ“. Помню хорошо случай, происшедшій въ родительскомъ домѣ во время моего дѣтства. На рождественскихъ праздникахъ

у насъ собрались сосѣдніе священники. Бесѣдовали о божественномъ, и кто-то предложилъ перевести извѣстный ирмосъ рождественскаго канона: „любити убо намъ, яко безбѣдное страхомъ“ и т. д. Перевели, но въ концѣ встрѣтилось непреодолимое затрудненіе. Не имѣя подъ рукой книги, недоумѣвали, слѣдуетъ ли читать „имати (имѣти) силу“, или и мати, силу. И только справка съ книгою дала возможность разрѣшить недоразумѣніе ¹⁾).

Если даже священники затруднялись перевести столь употребительную церковную пѣснь, то что же сказать о низшемъ клирѣ и прихожанахъ-простолюдинахъ? Что послѣдніе поймутъ изъ быстрого чтенія дьячка, который и самъ-то не понимаетъ читаемаго имъ? Я хорошо помню, какъ нашъ сельскій дьячекъ, читая на Рождествѣ апостоль: „Многочастнѣ, многообразнѣ древле Богъ, глаголавый отцемъ во пророцѣхъ, въ послѣдокъ днѣй сихъ глагола намъ въ сынѣ“, прочиталъ послѣднее слово „во снѣ“, такъ какъ по славянски это слово пишется сокращенно съ титломъ. А рассказы о передѣлкахъ Салафіиля и Зоровавеля, Акиллы и Прискиллы въ Соловоя и Журавеля, „Акислы и Прикислы“, вѣдь это не зубоскальные анекдоты. Для того, чтобы богослуженіе наше было назидательнымъ, нужно далѣе, чтобы оно отправлялось не такъ механически, какъ это зачастую бываетъ. У насъ въ селѣ былъ, во время моего дѣтства, дьячекъ, который считалъ грѣхомъ пропустить что-либо при чтеніи каѳизмъ и паремій. И вотъ, для того чтобы богослуженіе не затягивалось, онъ рекомендовалъ мнѣ и другому мальчику, стоявшему со мною на клиросѣ, читать каѳизмы сразу вдвоемъ: я долженъ былъ читать одну страницу, а мой товарищъ въ то же время другую. Можете себѣ представить, что выходило при такомъ параллельномъ, вслухъ, чтеніи псалмовъ! А вычитываніе или, лучше сказать, бормотаніе 40 разъ: Господи, помилуй? При поспѣшности, съ которою произносится это, слышится все, что угодно („поминосъ“, „помилось“), но только не моленіе о помилованіи. Недостаетъ также нашему

¹⁾ Да, пора бы подумать о нашемъ богослужебномъ языкѣ. По этому поводу припоминаю случай изъ моей позднѣйшей, уже семинарской жизни. Нашъ учитель гомиетики о. П. П. Р—въ, указывая на то, что слогъ проповѣди долженъ быть высокимъ, совѣтовалъ достигать этого употребленіемъ славянскихъ оборотовъ. Когда я сказалъ, что славянскіе обороты не всегда вразумительны, и что лучше бы вообще славянскій языкъ замѣнить русскимъ, о. Р—въ возразилъ, что русскій языкъ еще не доросъ до этого. „Ну, какъ ты переведешь: отверзу уста моя? Разину ротъ мой“? И мои товарищи и я не могли не признать, что такой переводъ былъ бы кощунственнымъ, но, вѣдь, развѣ нельзя употребить другое, болѣе подходящее выраженіе, тѣмъ болѣе, что слово „уста“ уже обрусѣло?

богослуженію выразительности чтенія. Часто громадный басъ діакона гудитъ въ церкви, но звуки выходятъ, какъ изъ пустой бочки, не членораздѣльными. Псаломщицкое чтеніе монотонно, съ глотаніемъ словъ. Мнѣ передавали, что когда одинъ молодой священникъ сталъ отправлять богослуженіе безъ традиціонной интонаціи, а приближаясь къ тому идеалу, который должно преслѣдовать общественное богослуженіе—бесѣда души съ Богомъ, священника вызвали къ архіерею и внушили ему не вводить новшества: „вѣдь церковь не театр“. Допустимъ, что выразительное чтеніе въ неумѣлыхъ устахъ можетъ превратиться въ актерскую декламацію. Но тогда бороться надо не съ выразительностью чтенія, а съ излишествами. Умный, благоговѣйный членъ причта не допуститъ излишества и не превратитъ святого дѣла богослуженія въ театральную декламацію. Недавно мнѣ пришлось быть на двухъ похоронахъ. Молодой, проникнутый важностью событія, священникъ совершалъ чинъ отпѣванія. Маленькая кладбищенская церковь почти вся рыдала, когда священникъ благоговѣйно, съ выраженіемъ произносилъ умиленные слова, которыми церковь, сочувствуя человѣческой скорби, старается смягчить ее надеждою на вѣчную память, вѣчный покой, вѣчную жизнь и воскресеніе. Присутствуя затѣмъ на вторыхъ похоронахъ, гдѣ службу отправлялъ другой священникъ, я былъ пораженъ: какъ будто другія слова, другія пѣсни! А между тѣмъ и покойникъ для меня былъ ближе, чѣмъ первый, и діаконъ здѣсь былъ громогласный, и церковь богаче, и пѣвчіе пѣли куда лучше, чѣмъ въ кладбищенской церкви! А все это оттого, что священникъ только механически вычитывалъ, что полагалось по требнику. Его самого, повидимому, не умилялъ обрядъ, — не умилялъ онъ и присутствующихъ въ церкви.

VIII. Деревенскія занятія и развлеченія.

Но возвратимся къ разсказу о быломъ. Росъ я, большею частью, на лонѣ природы. Кромѣ нѣсколькихъ часовъ занятій по подготовкѣ къ поступленію въ духовное училище, почти все весеннее, лѣтнее и осеннее время я проводилъ на воздухѣ. Отецъ мой любилъ ловить рыбу и собирать грибы. И того и другого было вдоволь. Нѣсколько часовъ ходьбы по лѣсу, часа 1½—2 ловли рыбы бреднемъ въ р. Цнѣ и прилегающихъ къ ней озерахъ, и мы приносили полныя корзины грибовъ, рыбы и раковъ.

Умственная жизнь была мало развита. Тѣ книги, которыя были въ домѣ и въ церкви, были перечитаны по десятку разъ. Да и что

же тамъ было? Какъ теперь помню, наиболѣе употребительнымъ было чтеніе „Примѣровъ благочестія“—нѣчто вродѣ хрестоматій изъ жизни святыхъ. Получались епархіальныя вѣдомости, но въ нихъ, кромѣ оффиціального отдѣла, помню, помѣщался сдѣланный мѣстнымъ преосвященнымъ переводъ съ французскаго разсужденій От. Николая о христіанской религій,—чтеніе мало доступное. Нѣсколько томовъ проповѣдей, естественная исторія Горизонтова (эту книгу я любилъ читать и перечитывалъ десятки разъ), да нѣсколько томовъ сочиненій по сельскому хозяйству, съ описаніемъ сельско-хозяйственныхъ машинъ, вотъ все, что я помню изъ того, что перебивало въ моихъ рукахъ, кромѣ букварей и азбукъ съ картинками, изъ которыхъ помню какъ теперь на букву Θ—„Θеодора съ квасомъ“.

IX. Первые шаги ученія.

Ученье мое началось довольно рано. Собственно говоря, я даже не помню, какъ я научился читать. Припоминаю только, что дѣдъ мой изъ лыка и лучинъ складывалъ буквы, и, такимъ образомъ, научился я читать по наглядному способу. Писать училъ меня мой отецъ; съ нимъ я прошелъ чтеніе по-славянски, первыя начала ариѳметики, молитвы, псалмы, заповѣди и священную исторію. Отъ отца же я получилъ первыя познанія и въ древнихъ языкахъ. Совершенно случайно я чуть было не научился и рисованію. Дѣло въ томъ, что въ началѣ 60-хъ годовъ пришлось въ нашей церкви сдѣлать довольно большой ремонтъ, особенно иконостаса. Посѣтившій въ концѣ 50-хъ годовъ нашу церковь преосвященный Макарій (впослѣдствіи митрополитъ Московскій) нашель, что въ церкви слишкомъ много скульптурныхъ изображеній, напоминавшихъ католическіе храмы. Рѣзное распятіе, рѣзныя фигуры ангеловъ и архангеловъ, даже одна икона: коронованіе св. Дѣвы Маріи—все это должно быть замѣнено новыми иконописными изображеніями. Отецъ собралъ нѣсколько сотъ рублей, и на цѣлое лѣто у насъ поселился извѣстный въ округѣ живописецъ Кириллъ Рыжковъ, съ учениками и подмастерьями. Живописная работа меня очень занимала, и я цѣлые дни проводилъ въ церкви, гдѣ спѣшно производилась работа. Живописецъ былъ, конечно, не изъ важныхъ, но все-таки это не была шаблонная работа, когда всѣ святые выходятъ на одно лицо, съ одинаковыми глазами, носами и ртами, отличаясь лишь цвѣтомъ одежды. У Рыжкова были цѣлые альбомы рисунковъ живописныхъ произведеній, и онъ взялся учить меня рисованію. Отецъ мой ничего не имѣлъ противъ этого, но мать, увидавши въ моихъ

рукахъ альбомы съ голыми тѣлами, запротестовала противъ занятій художествомъ, и занятія эти скоро прекратились.

Х. Первая деревенская школа въ домъ отца.

Выучившись читать и писать, я сталъ оказывать помощь отцу въ обученіи крестьянскихъ дѣтей. И до нашего захоlustья дошли отголоски идей эпохи реформъ, начавшейся послѣ Крымской войны. И у насъ стала пробуждаться умственная жизнь; потребность грамотности въ крестьянскомъ населеніи стала назрѣвать, и отецъ мой завелъ первую школу у себя въ домѣ, конечно, бесплатную и самъ сталъ учить въ ней крестьянскихъ ребятъ грамотѣ. И вотъ, въ нашей „избѣ“ съ осени до весны стало собираться болѣе десятка парнишекъ, которыхъ отецъ мой началъ обучать чтенію по-русски и по-славянски и письму. Когда отцу, по его служебнымъ обязанностямъ, некогда было заниматься въ школѣ, помогаль дѣдъ, помогаль и я, уже перешедшій первоначальную премудрость. А наука была, дѣйствительно, премудреная и нелегкая. Оправдывалось старинное изреченіе: „корень ученія горекъ“... Обученіе производилось по старому, слогосоставительному способу. Сначала по букварю заучивались названія буквъ по-славянски: азъ, буки, вѣди, глаголъ, добро, есть и т. д. Называя ту или другую букву, ученикъ долженъ былъ указкой изъ лучины показывать эту букву въ букварѣ. Играла роль, конечно, слуховая и зрительная память. Долго происходилъ процессъ заучиванья по порядку всѣхъ буквъ славянскаго и русскаго алфавитовъ. Затѣмъ переходили къ составленію слоговъ, первоначально простыхъ, состоящихъ изъ согласной и гласной буквъ. И вотъ начиналось заучиванье: буки—азъ=ба, вѣди—азъ=ва; слово—есть=се и т. д., пока не заучивались на память всевозможныя комбинаціи согласныхъ буквъ съ гласными. Затѣмъ шло заучиваніе сложныхъ слоговъ, состоящихъ изъ 3—4 буквъ: буки—рцы—азъ=бра, вѣди—рцы—укъ (у)=вру и т. д. Послѣ всего этого приступали къ чтенію словъ, а потомъ молитвъ и псалмовъ. Чтеніе начиналось по слогамъ, изъ которыхъ, я теперь, право, уже не знаю, какъ ученикъ ухитрялся составить слово. Напримѣръ, чтобы прочесть по этому способу: „отче нашъ, иже еси на небесѣхъ“, нужно было продѣлать такую тарабарщину, онъ—твердо—червь—есть—че=отче; и—живете—есть—же=иже; есть—слово—иже—си=еси; нашъ—азъ=на; нашъ—есть—не—буки—есть—бе=на небе, слово—ять—сѣ=на небесѣ, херь—ерь—хъ=на небесѣхъ. Наконецъ, трудности преодолены; съ грѣхомъ пополамъ

черезъ полгода ученія начинается чтеніе по-славянски. Безъ знанія сокращеній, такъ называемыхъ титлаъ, нельзя ступить и шагу. И вотъ опять заучиванье на память всѣхъ словъ, гдѣ употребляются титла, въ алфавитномъ порядкѣ, азъ—ангелъ, архангелъ, архангельскій, буки—титло—цы—есть—це—Богородице. За букваремъ слѣдовало чтеніе по псалтыри съ выучиваніемъ псалмовъ наизусть: „Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ... Вскую шаташася языцы... Помилуй мя, Боже“. На сколько я помню свое дошкольное время, ученики наши дальше не доходили. Параллельно съ чтеніемъ шло и обученіе письму. Учились по прописямъ, срисовывая буквы. Объ элементахъ буквъ понятія тогда у насъ не имѣли, а прямо списывались буквы по алфавиту. Писали гусиными перьями и самодѣльными чернилами, которыя приготовлялись у насъ дома изъ отвара чернильныхъ орѣшковъ и зеленого купороса. Плохо держится перо въ непривычныхъ, грубыхъ хотя и дѣтскихъ рученкахъ. То и дѣло, бывало, слышишь возгласы учениковъ: „батюшка, у меня перо раскорячилось!“ Это значило, что прилежный мальчуганъ приналегъ на перо такъ, что оно расколосъ по раскепу (разрѣзъ кончика пера), и нужно было или переочинивать перо или снабжать ученика новымъ. За матеріаломъ этимъ дѣло не останавливалось. Всегда былъ запасъ гусиныхъ перьевъ, собранныхъ на лугу самими же мальчуганами. Позднѣе, когда я самъ поступилъ въ школу, и такимъ образомъ моя „педагогическая дѣятельность“ прекратилась, школа, учрежденная отцомъ, сдѣлалась, земскою. Появились и учебныя пособія, книги для чтенія, которыми снабжало школу, земство, и дѣло пошло впередъ. Появился и учитель отъ земства, котораго у насъ называли почему-то „учельщикомъ“, но все-таки крестьяне не забыли старой „батюшкиной“ школы, родоначальницы земской школы¹⁾.

Занятія въ нашей школѣ начинались съ ранняго утра и оканчивались только къ вечеру. Среди дня былъ небольшой отдыхъ для обѣда. Это было очень веселое время. Я и мои ученики, изъ которыхъ нѣкоторые были гораздо старше меня, отправлялись играть въ снѣжки, лѣпить изъ снѣга фигуры, кататься съ горъ.

¹⁾ Спустя болѣе 35 лѣтъ, посѣтивъ родину и могилы своихъ родителей, я на церковномъ бугрѣ (гора, гдѣ стояла наша деревенская церковь), около церкви замѣтилъ не бывшія тамъ прежде двѣ небольшія постройки и узналъ, что въ одной изъ нихъ помѣщается земская, и въ другой—церковно-приходская школа. Съ грустью узналъ, что между школами существуетъ антагонизмъ. Какъ будто двѣ сосѣднія лавочки, соперничающія въ торговлѣ однимъ и тѣмъ же товаромъ!..

Это послѣднее было особенно занимательно. На высокую гору втаскивались большія салазки, а то и сани. Мы садились на нихъ большою кучею и, сломя головы, летѣли внизъ по крутымъ скатамъ горы. Порою салазки или сани втаскивались въ сугробъ, и всѣ мы, въ силу инерціи, вылетали изъ саней и салазокъ и зарывались въ сугробахъ снѣга. Немалое удовольствіе доставляло также катанье на гладкомъ, какъ зеркало, льду широкой рѣки, еще не покрытомъ снѣгомъ. О конькахъ мы тогда и не слышали.

Нѣсколько лѣтъ тянулось ученье въ описанной мною примитивной школѣ, и все-таки оттуда выходили еле-еле грамотными. Бывшее тогда въ ходу изреченіе: „я учился не по этой псалтыри“ было насмѣшкою надъ грамотеями, умѣвшими читать только ту книгу, по которой они учились, но оно было примѣнимо и къ большинству. Да и по своей-то псалтыри деревенскій парень скоро забывалъ умѣть читать, развѣ, благодаря какимъ-либо особымъ обстоятельствамъ (голосу, умѣнью пѣть) онъ имѣлъ случай читать и пѣть въ церкви на клиросѣ. Все это объясняется, конечно, и слабою подготовкою, которую давала школа, но болѣе всего отсутствіемъ въ деревнѣ какого бы то ни было рода книги. Нечего было читать, и начинался рецидивъ неграмотности. Да что говорить о нашемъ деревенскомъ захолустьи? Недалеко отъ моей родины расположенъ богатый торговый городъ съ хлѣбною приставью. Тамъ въ описываемое нами время не было книжнаго магазина и библіотеки, изъ которой можно было бы брать книги. Лубочныя изданія: книжки сказокъ о „Бовѣ-королевичѣ“, „Францѣ Венеціановичѣ“, „Еруслаѣ Лазаревичѣ“, „Битва русскихъ съ кабардинцами, или прекрасная магометанка, умирающая на гробѣ своего мужа“, лубочныя картины съ изображеніемъ страшнаго суда, „какъ мыши kota хоронили“, „сильный храбрый воинъ Аника“, нѣчто вродѣ каррикатуръ на пьянство и скупость, „железная дорога“¹⁾—все это можно было раздобыть въ деревнѣ только у офеней, а въ городѣ на ларяхъ, гдѣ продавалась разная мелочь. Помню, что долго еще въ нашемъ селѣ царяла полная безграмотность. Почти никто въ деревнѣ, кромѣ чиновъ причта, да

¹⁾ Вѣроятно, не многіе видѣли послѣднюю картину. Мимо деревни мчится поѣздъ и представлена группа мужиковъ, изумленныхъ такою невидалью. Подписаны стихи, въ которыхъ прославляется смѣтливость русскаго человѣка: „Что за дивная запряжка, богатырская ухватка! Везетъ тысячь сто пудовъ, будто бы вязанку дровъ. Нѣмцы вздоръ наговорили, что машину сочинили. Нѣтъ, голубчики, нихтъ варь! Русью пахнетъ самоварь!“

и то не всѣхъ, не умѣлъ ни прочесть, ни написать письма. Помню, что по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ въ нашъ домъ приходили мужики и бабы, чтобы прочесть письмо отъ сына-солдата или родственника, ушедшаго на заработки „на линію“ „въ Тараполь“ (Ставропольская губ.) или „за Волгу“ (Самарская губ. ¹).

XI. Интеллектуальная жизнь деревенскаго духовенства. Развлеченія. Лѣкарства.

Какъ уже можно судить изъ сказаннаго мною о бытѣ сельскаго духовенства въ началѣ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія, умственная жизнь была слабо развита. Политикой совсѣмъ не занимались. Я даже не помню, видѣлъ ли я въ родительскомъ домѣ до поступленія въ школу газету или журналъ, кромѣ епархіальныхъ „Вѣдомостей“.

¹) Мнѣ много пришлось прочесть подобныхъ писемъ. Обыкновенно слушателей, а въ особенности слушательницъ собиралась масса, такъ какъ письмо, адресованное, напр., отцу, всегда заключало въ себѣ упоминаніе и о другихъ родныхъ кумовьяхъ и сватахъ. Слогъ этихъ писемъ очень однообразный: „Любезному моему батюшкѣ NN и любезной моей матушкѣ NN отъ сына вашего NN желаю я вамъ добраго здравія и всякаго благополучія, въ дѣлахъ вашихъ скорого и счастливаго успѣха и прошу у васъ родительскаго благословенія, навѣки нерушимаго, которое будетъ по гробъ моей солдатской жизни. Затѣмъ идутъ такія же фразы (кромѣ родительскаго благословенія) въ отношенія братьевъ, дядей, тестя и тещи (богоданные батюшка и матушка). Если корреспондентъ женатъ, въ концѣ-концовъ доходитъ очередь и до супруги: еще богоданной моей любезной супругѣ NN отъ супруга вашего NN, низко вамъ кланяюсь и цѣлую въ сахарныя уста“. Почти все письмо состояло изъ подобныхъ привѣтствій и только въ концѣ были короткія сообщенія или о службѣ или о заработкахъ, а отъ солдатъ—и просьба прислать нѣсколько денегъ. Кажется, что интереснаго въ такомъ письмѣ? И тѣмъ не менѣе, чтеніе письма вызывало слезы умиленія. Каждая изъ слушательницъ, какъ только о ней упоминалась въ письмѣ, сморкалась и утирала слезы рукавомъ рубахи или фартукомъ (запонъ), причитая: не забылъ, нашъ голубчикъ (или нашъ кормилецъ). Расчувствовавшіяся бабы награждали и чтеца какъ ласковыми словами: „спасибо, касатикъ“, такъ и деревенскимъ угощеніемъ, вродѣ подсолнечныхъ и тыквенныхъ сѣмячекъ и т. п. Приходилось мнѣ и писать отвѣтъ на письма. По установившемуся обычаю, отвѣтъ долженъ былъ повторить привѣтствія отъ всѣхъ, кому они были присланы. Избави Богъ, пропустить какую-либо тетушку или написать письмо безъ „низкаго съ любовью поклона, родительскаго благословенія и поцѣлуя въ сахарныя уста отъ супруги“.

Только позже отецъ сталъ выписывать духовно-нравственный журналъ „Странникъ“, издаваемый священникомъ Гречулевичемъ. Помню, полученіе ежемѣсячной книжки журнала составляло чуть не праздникъ, и книжка, кажется, по нѣсколькѣ разъ перечитывалась нами. Развлеченій, которыя носили бы образовательный характеръ, у насъ не было. Иногда собирались къ намъ сосѣди — духовные. Всѣ разговоры сводились къ хозяйственнымъ заботамъ, урожаю, доходности приходовъ, пріѣзду архіерея и благочиннаго. Соберутся, поговорятъ, выпьютъ, поюють — да и восвояси. Пѣть у насъ въ домѣ очень любили. Отецъ былъ большой любитель пѣнія и, обладая прекраснымъ баритономъ, всегда, бывало, устраивалъ пѣніе между гостями. Пѣли духовныя пѣсни, но позволялось и свѣтское пѣніе. Конечно, это были большею частью кантаты о суетности и бренности земной жизни, но, подъ хмѣлькомъ, позволялось и суетное. Припоминаю нѣкоторыя изъ употребительныхъ тогда пѣсенъ.

1.

Все со временемъ промчится,
 Горе съ счастьемъ пролетитъ.
 Къ разрушенью все стремится...
 Кто сей цѣли избѣжитъ?
 Кедръ кудрявый съ облаками
 Наравнѣ вчера стоялъ.
 Дунулъ вѣтеръ — вверхъ корнями
 Кедръ поверженный упалъ.
 Гдѣ цвѣточекъ тотъ прекрасный,
 Кой долину украшалъ?
 Дунулъ вѣтеръ, вѣтеръ ужасный,—
 И цвѣтокъ навѣкъ завялъ!
 Такъ и я скоро увяну,
 Скоро кончится мой вѣкъ;
 Прахомъ и землей я стану
 И не буду человѣкъ...

2.

Какъ отъ вѣтки родной
 Листъ осенней порой,
 Оторвавшись, по вѣтру летаетъ, —

Такъ и жизнь здѣсь моя
 Все грустнѣй день отъ дня
 Вдоль безбрежнымъ потокомъ несется.

3.

Пчелка золотая, что ты жужжишь,
 Все, вокругъ летая, прочь не летишь?
 Или ты любишь Лизу мою?
 Соты ль душисты въ алыхъ устахъ?
 Розы ль огнисты въ яркихъ глазахъ?
 Сахаръ ли бѣлый грудь у нея?..

Въ пѣвнн принимали участіе и матушки, и тогда можно было слышать заунывную пѣсню:

Катя въ рощицѣ гуляла,
 Друга милаго искала,
 Кой клялся ее любить,
 Каждый вечеръ съ нею быть.

Но ужъ солнце закатилось,
 Небо ясное затмилось;
 На цвѣты роса падеть,
 А сердечный другъ нейдетъ.

Другъ не идетъ, и все не мило!
 Въ Катѣ сердце приуныло.
 Стала Катя тосковать
 И не знала, что начать.

То ходила, то стояла,
 Руки бѣлыя ломала,
 То смотрѣла сквозь лѣсокъ
 И кляла свой лютый рокъ...

Отецъ мой былъ общительнаго, веселаго нрава. Часто во время скромной пирушки онъ предлагалъ тостъ: „Выпьемъ по полной, вѣкъ нашъ недолгій. Многая лѣта, многая лѣта!“ Или на напѣвѣ:

прокимень гласъ 3-й—онъ затягивалъ: „Кто бы намъ поднесъ, мы бы выпили“. Или: „Чарочка моя серебряная! Кому чару пить, кому выпивать? Кто не допиваетъ, тому наливаютъ“. И чарочка усердно прогуливалась вокругъ стола, заставленнаго „яствіями и питіями“. Преобладали, конечно, водка и брага, но иногда, особенно въ праздникъ, гостей угощали и наливкою домашняго приготовления и даже лиссабонскимъ виномъ, кажется, кашинскаго производства. Невозможная тогда водка—сивуха сдабривалась сарентскимъ бальзамомъ, который отцу привозили въ подарокъ прихожане, ѣздившіе съ извозомъ на Волгу и оттуда привозившіе рыбу. Кромѣ того, въ ходу была настойка на смородиновыхъ листьяхъ, шелухъ кедровыхъ орѣховъ и, какъ лѣкарство почти отъ всѣхъ болѣзней, внутреннихъ и наружныхъ, настойка на звѣробѣ.

Кстати о лѣкарствахъ. Лѣчились тогда, въ общемъ, мало и то домашними средствами. Помню, что къ намъ только одинъ разъ пріѣзжалъ врачъ изъ уѣзднаго города. И тамъ онъ былъ, кажется, единственный. Извѣстенъ онъ былъ тѣмъ, что его рѣдко можно было застать трезвымъ. Обыкновенно дѣлалось такъ, что этого врача привозили въ деревню къ больному, немного протрезвляли, а затѣмъ, по оказаніи медицинской помощи, онъ опять напивался, и его отправляли домой. Кромѣ врача, помню, были еще „подлѣкаръ“ и „воспенникъ“ (простой крестьянинъ, наученный прививать оспу) да баба-повитуха. Болѣзней мудреныхъ тогда не знали. Отъ лихomanки (лихорадка) пили водку, настоенную на полыни, трефоли и тысячелистникѣ. Болѣла голова, былъ жаръ—прикладывали къ вискамъ листья отъ вилка (кочана) кислой капусты, отъ живота помогалъ огуречный рассоль и „накидывались горшки“ (суррогатъ сухихъ банокъ). Отъ кашля давали лакрицу, а „жаба“ лѣчилась и симпатическими средствами. Наша сосѣдка, Варя Аеонкина (интересно, что мужа ея звали Аеонька Варинъ), отъ жабы давала пить воду съ уголька и дѣлала массажъ шеи, причитывая что-то „о Зарѣ-Зарницѣ, красной дѣвицѣ“ и рекомендуя жабѣ удалиться куда-то подальше отъ раба Божія (имя рекъ). Отъ чесотки (ее называли у насъ „шелуди“) помогало смазываніе тѣла въ жаркой банѣ дегтемъ, свареннымъ съ шелухою отъ лука и куринымъ пометомъ (!). Помню, примѣнялись и довольно героическія средства. При сильныхъ боляхъ въ животѣ рекомендовалось встряхиваніе больного, поднятаго за ноги (чтобы перемѣстившіяся внутренности приняли нормальное положеніе), а одинъ разъ я видѣлъ, какъ крестьянка, страдавшая какою-то внутреннею болѣзнию, попросила татарина, водившаго ручного медвѣдя, чтобы медвѣдь потопталъ ее ногами, для чего легла животомъ на землю. Заразительныхъ болѣзней (такъ

называемых у насъ „прилипчивыхъ“) не особенно боялись тогда, и я помню, какъ мой отецъ, отправившись напутствовать больного натуральною оспою, почему - то взялъ меня съ собою (мнѣ тогда было лѣтъ 8—9).

Въ особыхъ тяжелыхъ случаяхъ, когда всѣ вышеописанныя средства не помогали, предоставлялось все на волю Божию. При трудныхъ родахъ просили батюшку, чтобы онъ отворилъ царскія врата...

В. К.

(Продолженіе слѣдуетъ).

